

Субстациональная и процессуальная модели формирования мотивации к добровольческой деятельности

http://www.ipd.ru/articles/soc_models.shtml

[Михаил Щербаков](#)
[Юлия Качалова](#)

Глава 1. Архетипические и эволюционные корни добровольчества и альтруизма

Давние традиции работы на добровольных началах, имеющиеся в США, где каждый второй взрослый в среднем по 3-5 часов в неделю уделяет добровольческой деятельности, с одной стороны базируются на философии социального обмена [1], но с другой стороны, имеют древние архетипические корни.

В основе добровольческого труда лежит *идея служения, эволюционировавшая из идеи “принесения жертвы”*. Во всех архаических обществах существовали традиции жертвоприношения могущественным природным силам - божествам или духам - расположение которых влияло на стихии, урожайность почвы, приплод скота и т.д., в конечном итоге, на выживание и благополучие людей.

Зависимость человека от природных сил почти полностью сошла на нет в обществах индустриального типа с сопутствующей ему урбанизацией, большим скоплением людей в городах, развитой промышленностью и технологией. На первое место выступают социальные отношения между людьми. Эти отношения, с одной стороны, регулируются социальными институтами и, в первую очередь, государством, но, с другой стороны, проникнуты неким “духом” - то есть тем, что Юнг и Вернадский называли коллективным состоянием сознания, а Алтман и Фурумото немецким словом *Zeitgeist* - “дух времени”, включающий господствующие в обществе идеи, социальные, экономические и политические силы [2].

Этот многофакторный дух - “неизвестная переменная”, неподвластная воле индивидуума, подобна могущественной природной силе, которая может влиять на благополучие конкретного человека, семьи, микро социума.

Проследить, как представления о характере силы, которую требуется расположить к себе (или обезопасить себя от ее гнева), трансформировались от природного к социальному, можно на примере изменения содержания празднования 1 Мая.

И в Европе, и в России в тех районах, где основным способом хозяйствования оставался аграрным, в канун 1 мая люди направлялись в леса, где они срубали дерево, которое потом приносили в деревню,

украшали и при всеобщем ликовании устанавливали посреди деревни, а срезанными ветвями украшали каждый дом. Сходные обычаи установления Майского дерева (Майского столба, Майского куста, Майской куклы) просуществовавшие в сельскохозяйственных провинциях Англии, Франции, Германии, Швеции, Чехии и других Европейских странах, как и в России, до конца 19 века. Джеймс Дж. Фрезер, исследовавший истоки различных традиционных обрядов, пишет, что эти ритуалы были направлены на то, чтобы привлечь к каждому дому, к каждому деревне благоденствия, находящиеся во власти духа растительности [3].

В индустриальных районах этот праздник, имевший своим изначальным содержанием ритуальное празднование весны, возрождение растительного мира, моление о дожде и урожае, изменился до неузнаваемости. Поскольку в индустриальном обществе характер силы, от которой зависит выживание и благополучие людей, трансформировался от природного к социальному, то и 1 Мая, оставшись праздничным днем, трансформировался в ритуал социальной солидарности. Фактически ритуалы празднования 1 Мая в индустриальном обществе, были направлены на то, чтобы каждый отдельный участник празднования обезопасил себя от гнева “социального божества”, продемонстрировав ему собственную силу, выраженную в социальном единстве с другими представителями своего класса. И в первом и во втором случае, праздничные ритуалы, несмотря на разницу в формах, фактически преследовали одну и ту же цель – отведение опасности голода, который в первом случае возникал в результате неурожая, а во втором – в результате увольнения с предприятия и невозможности найти работу, обеспечивающую пропитание.

Сравнение этих праздничных ритуалов наглядно демонстрирует смещение фокуса взаимоотношений человек-природа на взаимоотношения человек-социум, характерное для современного общества. Возвращаясь к корням добровольчества, можно сделать вывод о том, что идея принесения жертвы природному божеству, трансформировавшаяся с развитием общества и монотеистических религий в служение богу, перешла в идею добровольного служения “духу социума”.

Это свидетельствует о том, что, невзирая на изменение формы ритуала на поверхностно-адаптивном уровне, его архетипический смысл и символизм, порожденный глубинными, трансперсональными слоями сознания, остается одинаковым и для представителя архаического общества и для представителя индустриального общества.

Работа на добровольных началах в контексте сформировавшихся на Западе рыночных отношений, нашла свою философско-психологическую основу в *теории социального обмена*, согласно которой люди обмениваются не только материальными благами, но и социальными товарами – любовью, услугами, информацией, статусом. Это означает, что проявляя “альтруизм” по отношению к ближнему, человек производит едва уловимые расчеты о вознаграждении, которые предшествуют действию. В качестве вознаграждения могут выступать соображения карьеры, повышение социальной приспособляемости, уменьшение чувства вины и упрочение своего “Я”, укрепление чувства собственного достоинства и т.п. И хотя вопрос о том, можно ли поступки, предопределенные соображениями о “вознаграждении” от “духа социума”, считать истинно альтруистическими или же замаскированным эгоизмом, является спорным, идеи добровольного служения “духу” социума и социального обмена на Западе позволяют

людям получать удовольствие от оказания помощи другим и вести себя скорее просоциально, чем антисоциально.

Эволюционной основой того, что можно отнести к проявлению альтруистического поведения в животном мире, является доминанта выживания семьи, стаи (стада) над выживанием отдельной особи у тех животных, которые ведут соответствующий (семейный, стайный, стадный) способ существования.

Вероятно, такой “животный” альтруизм проявлялся и в доисторических человеческих сообществах на тех стадиях, когда индивидуальное самосознание пребывало в зачаточном виде, и индивид еще не ощущал своей разделенности с племенем (группой), а его персональное существование представляло несравнимо меньшую ценность, чем существование группы.

Развитие индивидуального самосознания, выделение собственного существования из существования группы приводит к формированию “эгоистического поведения”, то есть мотивации к тому, чтобы улучшить свое собственное благополучие. Это – стадия развития индивидуального сознания, которую можно назвать “бунтом индивида против вида”, когда индивид обретает собственную ценность. “Я” начинает воспринимать себя отдельно от “они” и как несравнимо большую ценность, нежели “они”. Однако, как писал Адам Смит в 1759 году в “Теории моральных чувств”, “каким бы эгоистичным ни казался человек, в его природе явно заложены определенные законы, заставляющие его интересоваться судьбой других и считать их счастье необходимым для себя, хотя он сам от этого не получает ничего, за исключением удовольствия видеть это счастье”. Как показали исследования Хоффмана в 1981 году, даже младенцы одного дня от роду начинают плакать сильнее, когда слышат плач других. Из этого, делается вывод, что человеку свойственно врожденное чувство эмпатии, то есть восприимчивость к состоянию другого человека.

Эмпатия или сочувствие к другому человеку чаще всего отмечается между родственниками, людьми, живущими вместе или плотно общающимися. В ситуациях, представляющих непосредственную угрозу жизни, люди, в первую очередь, оказывают помощь членам семьи, друзьям, соседям, и только потом незнакомцам [4]. В тех относительно редких случаях, когда с риском для жизни человек спасает совершенно чужих людей, можно предположить о состоянии сознания, при котором стирается граница между “я” и “не я”. Это состояние “прозрачности” поверхностного слоя, редкое для представителя иудео-христианской культуры, является одним из этапов достижения просветления в восточных путях освобождения. Например, практика дза-дзэн направлена на спокойное, некомментирующее осознание всего, что происходит здесь и сейчас, которое сопровождается ощущением “неразличения” себя и внешнего мира. Важно отметить, что хотя дзен не приписывает действиям никакой определенной направленности, так как не имеет ни цели, ни мотивов, он, не колеблясь, обращается к тому делу, которое возникает перед ним, как необходимое [5]. При этом реакция на ситуацию - как происходит в случаях, когда с риском для жизни человек спасает совершенно чужих людей - является мгновенной.

Глава 2. Сравнительный анализ субстациональной и процессуальной моделей формирования мотивации к добровольческой деятельности

2.1. Субстациональная и процессуальная модели мировосприятия

Дальнейшее сравнение и анализ субстациональной и процессуальной моделей формирования мотивации к добровольческой деятельности сложно проводить, не коснувшись вкратце сути субстациональной и процессуальной моделей мировосприятия как такового.

1. В первом случае *мир воспринимается на набор сущностей - объектов и явлений. Во втором случае - как набор взаимоотношений и процессов.* Это два разных восприятия, определяют различие в предпосылках мысли и в методе мышления. А.Уотс обращает внимание на то, что в английском языке - и в русском тоже - существует четкая разница между предметами и действиями. В китайском языке предметы также являются действиями.

2. Западное мировосприятие построено на дуализме: божественное противопоставляется тварному; духовное - материальному; добро - злу; познающий - познаваемому, субъект - объекту и т.д.

Изначальный дуализм заложен в идее, подчеркивающей различие между Богом и миром, в идее, что Бог создает мир наподобие архитектора. Он находится вне и над миром - созданным им и не тождественным ему, и хотя он в какой-то степени и имманентен тварному миру, но только настолько, насколько архитектор имманентен зданию, которое он строит или художник картине, которую он рисует. При этом подчеркивается скорее не его имманентность, а его трансцендентность. По отношению к человеку иудео-христианская традиция отождествляет Бога - с конвенциями морального и логического порядка. И это поистине катастрофа, потому что когда человек ощущает, что он не соответствует самым корням и основам бытия - Абсолюту - в нем образуется чувство вины, которое проявляется либо в отрицании своей собственной природы, либо в отрицании бога.

3. Дуалистическое мировосприятие и способ мышления порождают жесткое разделение *между "я" и "не я", между субъектом и объектом.* Между ними *всегда стоит проблема*, которая требует от субъекта совершения определенных действий. Так, например, *изначальная проблема - не соответствие человека Абсолюту - требует определенных действий, предписанных церковью, направленных на уменьшение чувства вины, на уменьшение взыскания со стороны Абсолюта, на получение поощрения от него.* Можно сказать, что дуалистический способ мышления порождает *проблемное восприятие мира.* Даже если мы и преодолеем одну проблему, тут же возникнет новая, а за ней - следующая, потому что *присутствие проблемы - это встроенная погрешность дуалистического мировосприятия.*

4. Поскольку в дуалистическом мировосприятии всегда имеется проблема, то всегда присутствует и цель: "решить проблему", то есть определенным образом воздействовать на "объект", чтобы в результате изменились некоторые характеристики объекта и он перестал восприниматься субъектом как проблема. Способ проживания жизни, построенный на дуалистическом мировосприятии, мы будем называть *субстациональным или ориентированным на проблему.*

5. В восточной философской и духовной традиции нет дуализма - все вырастает из дао и все есть дао [6], *дао - не трансценденция, а имманентность миру.* А поэтому все принимается таким, как есть. Дуалистическое противопоставление "я" и "не я" отсутствует. Личность, с одной стороны, и мир, с другой, - это не более, чем абстрактные границы, описывающие конкретную реальность их взаимодействия. Человек принимает сам себя как часть мира и мир вокруг себя как часть себя. В такой системе

мировосприятия человек мыслит и ощущает себя как “я и остальной мир”, *субъект неразделим с его окружением, а поэтому между ними не стоит проблемы.*

В отличие от западной духовной традиции, указывающей ЧТО надо делать, чтобы справиться с проблемой - правильную тактику, восточная традиция предлагает КАК правильно делать - правильную стратегию, а что делать - не имеет определенного значения. Критерием правильности в последнем случае является собственно состояние “делающего”, его целостность, естественность, ощущение гармонии с внешним миром. При этом “делание”, “делающий” и “объект действия” являются составными единого процесса. Поэтому этот способ проживания жизни мы будем называть *процессуальным* или ориентированным на состояние.

Анализ источников, посвященных архаическим обществам, их верованиям, обрядам ([7], [8], [9], [10], [11] и др.), позволяет схематично воспроизвести процесс формирования процессуального и субстационального мировосприятий из неререфлектированное восприятие уровня всеобщего единства в архаическом обществе.

Табл.1.

Архаическое общество: неререфлектированное восприятие уровня всеобщего единства; представление о наличии в мире “неизвестных сил”, влияющих на жизнь племени и отдельного представителя. Соотнесение с этими силами путем их <i>интериоризации</i> и <i>экстериоризации</i> .	
Политеистические общества Усиление экстериоризации Представление о множестве божеств, никак не связанных с человеком, чуждых ему, с которыми невозможно отждествиться. С ними <i>можно вступать во взаимоотношения</i> , можно добиваться от них помощи и расположения (или отвести от себя их гнев и последующие бедствия), <i>если предложит им что-то очень ценное.</i> Появляется идея жертвы, которая только тогда является жертвой, когда представляет ценность для	Усиление интериоризации: установление взаимоотношений “неизвестными силами” посредством ритуального отождествления себя с ними (с духами предков, с тотемным животным, с “помощниками” и “покровителями” и т.д.). Взаимоотношения с “неизвестными силами” строятся естественным путем, как в семье, где старшие <i>естественным образом</i> заботятся и наставляют младших. От младших <i>не требуется каких-то особенных действий</i> (например, принесения ценной жертвы), доказывающих, что они заслуживают расположения и помощи старших. От них требуется <i>естественное поведение</i> - вежливое

<p>жертвующего.</p> <p>Появляется идея дуализма.</p>	<p>обращение за помощью, выказывание почтительности, проявление благодарности.</p>
<p>Монотеистическое общество Дальнейшее развитие экстериоризации - идея трансцентдентного бога (Абсолюта):</p> <p>библейский апофеоз идеи о принесении в жертву самого ценного - своего сына. Только тот, кто проходит подобный тест на лояльность может рассчитывать на расположение свирепого и мстительного Иеговы.</p> <p>Христианская идея о принесении в жертву <i>самого себя</i>.</p>	<p>Дальнейшее развитие интериоризации - идея имманентного дао:</p> <p>“Вот вещь, в хаосе возникающая прежде Неба и Земли родившаяся. Одинокое стоит она и не изменяется. Повсюду действует и не знает усталости. Ее можно считать матерью всего сущего под небесами. Я не знаю ее имени, но я называю ее Дао” (Лао-Цзы).</p> <p>Идея о единстве всего сущего.</p> <p>Идея о следовании пути как выборе правильной жизненной стратегии.</p>
<p>Служение как совершение духовного подвига, подразумевающая принесение важной для человека жертвы (его имущества, части его человеческой природы, в отдельных случаях его жизни) и получение за это награды (в той жизни или в этой).</p>	<p>Служение как естественное следование правильному пути. При этом отсутствует идея, что за каждое доброе дело ты получаешь запись в статье приход на твоём духовном счету. Лучше всего это выражено фразой, часто употребляющейся в русских народных сказках: “делай что должно и будь что будет”.</p>
<p>Современный социум</p>	
<p><i>Добровольческая деятельность, основанная на теории социального обмена.</i> Выгода от принесения “жертвы” (добровольного труда на благо социума) легко формализуема: почетные грамоты, привлекательный имидж, дополнительные очки при поступлении, приеме на работу и т.д.</p>	<p><i>Добровольческая деятельность как следствие проявление эмпатии.</i> Отсутствие конкретной выгоды при совершении благого дела. Стратегическая цель - ощущение правильной жизненной линии, естественности, возможности быть самим собой.</p>

2.2. Сравнительные характеристики субстациональной и процессуальной моделей формирования мотивации к добровольческой деятельности

Опираясь на приведенные выше рассуждения, рассмотрим две модели формирования мотивации к добровольчеству: *субстациональную модель,*

ориентированную на действие (работу с проблемой и получение результата), и процессуальную, ориентированную на состояние.

В рамках субстациональной модели мотивирующая группа ставит перед человеком вполне определенную цель и демонстрирует шаблон поведения, приводящий к ее достижению. Обычно “правильность” предлагаемого шаблона поведения обосновывается “авторитетным” мнением. “Авторитет” может быть реальным лицом или группой, символом, абстракцией (в предельном случае - это авторитет Абсолюта). Подкрепляющим фактором является обещание “вознаграждения” при соблюдении правильного паттерна поведения или предостережение о возможных неприятных последствиях в случае отказа от его соблюдения. При частом и регулярном повторении, предлагаемый шаблон интегрируется в поведение, и человек начинает действовать в соответствии с ним.

В рамках процессуальной модели мотивирующая группа вовлекает человека в некий процесс, направленный на резонансное взаимодействие с окружающим(и) в какой-то области смыслов. В ходе этого резонансного взаимодействия человек получает опыт глубоких переживаний (состояний). Дальнейшие действия человека обусловлены этим состоянием, потребность в действии возникает в результате эмпатии. При этом сами действия не могут быть столь однозначно и жестко регламентированы и прогнозируемы, как в субстациональной модели.

Хотя мы сравниваем субстациональную и процессуальную модель формирования мотивации к добровольчеству как некие полюса, на практике обычно используется нечто среднее. Группа, практикующая субстациональную модель вовлечения в действие, в той или иной степени предлагает людям испытать некие состояния. И наоборот, человек из ощущения своей взаимосвязи, из точки единения с чем-то, получает столь сильный импульс к действию, что передает его всем окружающим, заражает своим состоянием всех остальных. Однако, мы опять-таки говорим о том, на чем мотивирующая группа делает основной акцент - на проблеме и действии или на состоянии людей.

Для удобства сравнения и анализа сведем в таблице особенности каждой из моделей в их чистом виде.

Табл. 2
Сравнительные характеристики субстациональной и процессуальной моделей формирования мотивации к добровольческой деятельности

Тип модели	Субстациональная	Процессуальная модель
Цель мотивирующей группы	Решение проблемы (изменение состояния предмета действия или формирование желаемого поведения)	Изменение состояния объекта мотивации
Стратегия мотивация	Предложение “внутренних и внешних” вознаграждений.	Предложение получить опыт глубоких “состояний”
Психологическая основа	Социальный обмен	Эмпатия, расширенное состояние сознания
Что передается	“Авторитетный” шаблон	Особая атмосфера, особая энергия

объекту мотивации	правильного поведения, позволяющего прийти к поставленной цели.	среды, позволяющая прийти к нужному состоянию
Каким образом передается	Через стандартные каналы информации и рекламы, лозунги, призывы, массовые образовательные программы и т.д.	Через участие в совместных и индивидуальных действиях (ритуалах), практиках, формирование субкультуры
Действия объекта мотивации	Жестко регламентированы и четко организованы инициатором	Являются следствием состояния объекта мотивации, не могут быть заранее четко определены инициатором
Выбор предмета действий	Осуществляется мотивирующей группой	Осуществляется объектом мотивации и может существенно отличаться от предложенного мотивирующей группой
Требования к мотивирующей группе	Должна уметь четко формулировать свою цель, уметь хорошо организовывать действия и разбираться в “системе вознаграждений”	Должна ясно и глубоко осознавать свою миссию, быть достаточно гибкой и открытой для обсуждений, уметь заряжать своим “состоянием”
Движущий мотив мотивирующей группы	Получение “внутренних и внешних” вознаграждений, реализация определенных личных амбиций	Личные ценности, понимание своей миссии, следование правильному пути

Табл. 3
Пример, поясняющий стратегию мотивирующей группы при использовании субстациональной и процессуальной моделей.

Субстациональная модель		Процессуальная модель	
Цель	Стратегия	Цель	Стратегия
Добиться чистоты в окружающем городском лесном массиве	Договориться с администрациями близлежащих учреждений (например, школ) об организации субботников, участники которых получают поощрение; договориться	Сформировать у жителей города состояние любви к лесу, исходя из которого они естественным образом перестанут мусорить	Предложить целевой группе проводить регулярные мероприятия в лесу (например, праздники и ритуалы) предварительно очищая и убирая “ритуальное пространство”;

	с городской (или областной администрацией) о принятии организационно-административных мер, например, перекрытии въездов в лес транспорту и наложении взысканий на нарушителей		постепенно расширять целевую группу, привлекая к мероприятиям в лесу членов семей, друзей и знакомых представителей целевой группы
--	---	--	--

2.3. Результаты экспериментальной проверки субстациональной и процессуальной психологических моделей мотивации к добровольческой деятельности

Практическая апробация субстациональной и процессуальной моделей формирования мотивации к добровольческой деятельности была осуществлена нами в ряде пилотных проектов. Изначальная задача, которую мы ставили перед собой, сводилась к тому, чтобы адаптировать те модели и стратегии формирования мотивации к добровольческой деятельности, которые успешно использовались западными общественными группами. Цель этой работы заключалась в формировании у населения ряда городов Европейской России, где проходила апробация моделей, мотивации к добровольческой деятельности, направленной на развитие местных сообществ.

Нам представлялось крайне важным способствовать созидательной активности людей, их включенности в жизнь, через которую формируется вера в собственные силы, в собственную значимость, чувство собственной идентичности, без чего человек легко становится объектом манипуляций, легко впадает в иррациональную веру, принимая за истину мнение авторитета или большинства. Наиболее очевидным способом формирования рациональной, основанной на собственном опыте, веры в собственные силы и собственную значимость, представлялось приобщение людей к конкретным делам, направленным на благо их сообществ, дающим видимые, осязаемые результаты.

Первый шаг в данном направлении был сделан в ходе проекта “Вовлечение граждан в решение проблем местного сообщества: разработка модели на примере города Калуги”, в рамках которого в 1999 году была разработана и проведена 3-месячная неполитическая общественная кампания. Цель кампании заключалась в том, чтобы население ощутило сопричастность к изменению условий жизни в своем городе. В 2000-м году аналогичные кампании были проведены в городах Обнинске и Клину. Основной целевой группой кампании во всех трех городах была выбрана молодежь [12]. Основными исполнителями кампании были местные общественные группы, работающие с молодежью. Общественной кампании в каждом городе предшествовал социологический опрос населения, проводившийся с целью выявления одной из наиболее острых, по мнению населения, проблем сообщества, и степени готовности населения включиться в ее решение.

Общественные группы, прошедшие специальный отбор и обучение, должны были предложить конкретный способ улучшения проблемной ситуации, убедить людей в действенности этого способа, в течение определенного срока реализовать с помощью

добровольного участия населения предложенный способ, так чтобы люди могли почувствовать значимость своего участия и его результаты. Основной фокус внимания общественных групп был направлен на формирование у населения мотивации к добровольческой деятельности.

Социологические опросы населения, проводившиеся в завершении каждой из кампаний, показали, что при относительно высокой известности среди населения кампаний в целом, а также их отдельных акций, уровень реальной активности населения, определявшийся на основании количественных показателей его участия в кампаниях, оказывался ниже запланированного при разработке кампаний.

Детальный анализ кампаний, выявивший незначительные организационные просчеты в ходе их планирования и выполнения, показал, что все общественные группы, участвовавшие в проведении кампании и бывшие их ядром, использовали практически исключительно субстациональную модель формирования мотивации.

Очевидными плюсами субстациональной модели являются:

Технологичность.

Простота в отношении тех требований, которые предъявляются к мотивирующей группе - необходимым качествам формулирования цели, планирования и организации действий несложно обучить почти любого человека, особенно если он уже является лидером группы.

Очевидность в критерии оценки. Действительно, изменение “состояния предмета действия” гораздо легче поддается измерению, нежели изменение “состояния объекта мотивации”.

Субстациональная модель хорошо работает, если требуется быстро усовершенствовать какой-то объект (например, очистить или благоустроить территорию) или сформировать первичную мотивацию за счет системы внутренних и внешних вознаграждений. Ее использование для формирования устойчивой мотивации *дает осязаемый результат в той культуре, где трансформация личности традиционно связана с правильным социальным поведением, где выполнение внешних правил имеет принципиальное значение*. Способ передачи авторитетного шаблона “правильного” поведения, предлагаемый субстациональной моделью, предполагает, что люди привыкли с почтением относиться к внешним установлениям, привыкли *глубоко впитывать и осознавать те моральные принципы, на которых эти нормы основаны*, а не просто копировать предлагаемый им шаблон, подражая тому, кто в данный момент является “авторитетом”. Без подобной традиции, конечно, можно провести ПР кампании и сформировать поведенческую привычку, основанную на подражании авторитету, но она будет крайне неустойчива и при появлении альтернативного “авторитетного” шаблона поведения с легкостью изменится. Если целью мотивирующей группы было вовлечение людей в усовершенствование какого-то объекта (например, чистоты территории), то ей придется уделять постоянное внимание поддержанию состояния усовершенствованного объекта. В противном случае, оно очень быстро возвратится к исходному, и все усилия пойдут впустую, поскольку в российском контексте отсутствует традиция достижения личностных изменений через усовершенствование внешнего пространства или через социальные взаимодействия.

Использование кластерной модели сознания для понимания специфики российской культуры, позволяет сделать вывод, что само по себе *вовлечение в действия на социальном поприще, апелляции к соблюдению правильных социальных норм и хорошему*

поведению, применяемые в субстациональной модели, не затрагивают “среду сознания” [13].

В российской же культуре именно изменение среды сознания под воздействием внутренних напряжений традиционно связано с личностными трансформациями. Субстациональная модель формирования мотивации к добровольческой деятельности не фокусируется на этих параметрах сознания. Поэтому результаты ее применения сильно отличаются на Западе и в России. И то, что хорошо работает в США, приводит к довольно незначительному эффекту на российской почве, с чем мы и столкнулись в ходе выполнения кампаний. В результате, невзирая на довольно высокий уровень информированности о кампании и даже наличие первичного интереса, применение субстациональной модели для формирования мотивации к добровольческой деятельности продемонстрировало низкую эффективность по двум критериям:

- а). адекватности затраченных мотивирующей группой ресурсов
- б). по продолженности действия, то есть сохранению результата на протяжении более менее длительного срока.

Результаты применения субстациональной модели формирования мотивации к добровольческой деятельности в Калуге, Обнинске и Клину продемонстрировали ее возможности для формирования первичной мотивации. Однако, мотивирующим группам не удалось добиться пролонгированной (участие в акциях на протяжении 3-х месяцев) и устойчивой мотивации (участие в деятельности группы после завершения кампании) новых добровольцев.

В следующей серии пилотных проектов, проведенных в Москве, Архангельске, Новороссийске, Пензе, Петрозаводске, Самарской области, общественными группами, прошедшими специальный отбор и обучение, использовалась процессуальная модель формирования мотивации к добровольческой деятельности. Основная цель трехмесячных проектов, которые выполнялись этими общественными группами, фактически была идентична той цели, которая стояла перед общественными группами в Калуге, Обнинске и Клину: формирование у населения мотивации к добровольческой деятельности. Основной целевой группой по-прежнему была молодежь.

Для того, чтобы сформировать у общественных групп понимание процессуальной модели, были проведены три образовательные программы “Модели формирования устойчивых сообществ” (июль 2001 г), “Организационные и психологические аспекты проведения массовых акций” (декабрь 2001 года), “Маркетинговые и психологические основы вовлечения людей в некоммерческие проекты” (июнь 2002 года).

В ходе проведения обучения выявились следующие трудности, присущие для понимания процессуальной модели:

процессуальная модель обращается к таким неуловимым и расплывчатым для понимания на ментальном уровне понятиям как “состояние”, “атмосфера”. Будучи глубоко персональным, опыт состояний трудно передать вербально.

Использование процессуальной модели требует от мотивирующей группы специфического набора лидерских качеств. Причем это не профессиональные навыки организации и планирования, полученные вследствие обучения, а результат собственной интенсивной духовной работы. Можно дать внешний

импульс, к тому, чтобы человек со временем открыл в себе и самостоятельно развил подобные качества, но научить им невозможно.

Использование в образовательных программах техник измененных состояний сознания; ритуалов, воздействующих на архетипические области сознания; эмоциональных процессов, связанных с представлениями о собственной идентичности, позволило участникам получить трансперсональный опыт (переживание глубоких “состояний сознания”). И хотя изменение состояния мотивируемого объекта, которое является целью мотивирующей группы, использующей процессуальную модель, довольно трудно измерить, определенные выводы можно сделать, воспользовавшись качественными методами - фокус-группами или глубинными интервью. Такое исследование было проведено автором и его результаты будут представлены ниже.

Для того, чтобы опыт переживания глубоких “состояний сознания” не остался внутренним и непроявленным, он должен быть спроецирован на плоскость социальной реальности.

Особенность упомянутых выше образовательных программы заключалась в том, что она:

а). интегрировала тренинг личностного развития с тренингом профессиональным, развивающим умение убеждать, структурировать идеи, вычленять главное; строить работу в команде и т.д.

б). через активизацию трансперсональных областей сознания давала участникам глубокий экзистенциальный опыт и побуждала их вывести переживание “состояния” на уровень осознания. Создавала *связь*, своего рода “*мосты*”, между глубоким личностным переживанием и пониманием ценностей, обуславливающих деятельность на социальном поле.

в). исходя из этого осознания, побуждала воплотить полученный персональный опыт в практические действия на социальном поле.

Обычно программы личностного развития, в фокусе которых стоят задачи самоисследования и самопознания, дают участникам переживание глубокого экзистенциального опыта. Однако, осознание этого опыта и то, как он скажется на жизни или на профессиональной деятельности участников в дальнейшем, выходит за рамки этих программ. Образовательные программы, направленные на повышение профессионального уровня участников (тренинги по организационному развитию, стратегическому планированию, социальному маркетингу, фандрайзингу, ПР, менеджменту, защите прав и т.д.) передают участникам определенную сумму знаний, навыков и умений, которые должны сказаться на их профессиональной деятельности. Они содержат минимум личностных интервенций и не требуют от участников изменения уровня осознанности по отношению к работе как части жизни и осмысления экзистенциальных ценностей.

Но поскольку, для лидеров некоммерческих организаций ясное и глубокое осознание своей миссии, ценностей и смысла деятельности является не менее важным, чем профессиональное мастерство, наши программы объединяли тренинг личностного развития с тренингом повышения профессиональных знаний и навыков. Еще одна важная особенность наших программ заключалась в том, что после их прохождения выпускникам предоставлялась возможность реализовать новый подход непосредственно в своей работе.

Практическая апробация процессуальной модели формирования мотивации к добровольческой деятельности осуществлялась на базе трехмесячных проектов 10 общественных групп, состоявших из выпускников наших программ.

Четыре группы в Пензе, Архангельске, Новороссийске и Москве осуществляли трехмесячные проекты, разработанные по единому сценарию, и в них наиболее четко представлена разработанная схема применения процессуальной модели формирования мотивации к добровольческой деятельности.

Табл. 4
Схема применения процессуальной модели в 4-х однотипных трехмесячных проектах, осуществленных в Пензе, Архангельске, Новороссийске и Москве

Задача	Метод, использовавшийся мотивирующей группой	Процессы в сознании с позиции КМС	Результат
Формирование первичной мотивации	Проведение 1 мая массового праздника, имеющего общую ценностную ориентацию (“День солидарности с собой”), но не имеющего национального, идеологического или религиозного смысла.	Активизация содержания архетипических слоев за счет обращения к устойчивой традиции, резонансная подстройка к коллективной энергии.	Участие в разовом мероприятии группы - 3800 человек
Формирование пролонгированной мотивации	Проведение совместных ритуалов, разработка и использование символики, связанной с групповой идентичностью; создание атмосферы - индукция состояния	Подстройка поверхностных и подповерхностных кластеров к глубинным за счет резонансной внешней энергии, образуемой группой	Участие в деятельности группы на протяжении хода проекта - 455 человек
Устойчивая мотивация	Проведение добровольческих акций экологического характера	Резонансное взаимодействие с природными источниками энергии и с групповой энергией	Участие в деятельности группы после окончания проекта - 144 человека

Группам, применившим процессуальную модель, удалось добиться пролонгированной мотивации (ок. 12% от имевших первичную мотивацию) и устойчивой мотивации (ок. 31,6% от имевших пролонгированную мотивацию). Мы считаем, что эти показатели могут быть увеличены, если мотивирующая группа сможет создать поддерживающую микросреду, для того, чтобы личностные изменения, произошедшие в человеке в результате опыта “состояний”, не исчезли под воздействием нерезонансной внешней энергии.

Литература

1. Р.Дюкарев, К.Фокс, О.Холмз, К.Эбнер. Социальный маркетинг для некоммерческих организаций. М, Центр развития образования, 1998.
2. Д.Шульц, С.Шульц. История современной психологии. Евразия, С.-Петербург, 2002.
3. Джеймс Дж. Фрезер “Золотая ветвь”, М., 1986 стр. 121-134.
4. Д.Мэйерс. “Социальная психология”, С. – Петербург, 1999 стр. 588-594
5. А. Уотс. “Путь дзэн”. София, Киев, 1993.
6. А. Уотс. “Дао путь дзэн”.
7. А.Н.Афанасьев. “Древо жизни”. М, 1982.
8. Мирча Элиаде. История веры и религиозных идей. Том II. М., 2002.
9. Э.Б. Тэйлор. “Миф и обряд в первобытной культуре”. Смоленск., “Русич”, 2000.
10. Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология под ред. А.А.Белика. М., 2001.
11. О.Диксон, И.Ядне. “Шаманские практики в кланах ворона и малого лебедя”, М. 1997.
12. Ю.Н. Качалова “Вовлечение граждан в решение местных проблем: описание модели, апробированной в городе Калуге”, М., 2000.
13. М. А. Щербаков. 7 Путешествий в структуру сознания. М. 1998